

Последствия победы.

То, что началось после матча, живо напомнило мне одну из книг, прочитанных мной в мирах смертных. А именно — главу "Победитель не уйдет от наказания". Я, конечно, не Рыцарь Красной стрелы, но общее настроение — очень похоже. К счастью, участники с противоположной стороны решили последовать рекомендациям "сведущих людей", и допросить нас по отдельности. Не знаю, что бы я делал, если бы сознание Гермियोны попытались так жестко взломать в моем присутствии. Наверно — завершилось бы это локальным прорывом Инферно. К счастью, благодаря "классическому" подходу к выяснению непонятных моментов у меня появилось время как прикинуть способы противодействия, так и подготовиться к схватке. Хотя даже это помогло очень слабо. Глядя, как директор рвется через созданный им самим и волей Меняющего пути щит как корабли Волков через сияние над Тизкой*, я медленно зверел. В сущности, до той грани, когда произошла бы произвольная трансформация, оставалось совсем немного, когда директор просочился-таки через оборонительные порядки и кинулся считать то, что он посчитал памятью Гермियोны. Теперь наш ментальный поединок отнимал не только все силы, но и все внимание. К счастью, директор все еще не рассматривал первокурсницу как достойного противника. И контратака, позволившая мне прочитать ожидаемые варианты, и оперативно контролировать состояние противника — прошла незамеченной. Конечно, был шанс на то, что директор ожидал этой атаки, подготовился к ней — и теперь мы взаимно качаем друг другу дезу. Но... надеюсь, что данных, позволяющих Дамблдору догадаться о присутствии оракула — у директора не было, и, следовательно, при таком развитии событий Кай предупредила бы меня. Конечно, в таком случае оставалось бы только хватать Миа в охапку, и сваливать куда подальше... например — в Хаос... Но Кай молчала. Так что, подсунув директору ядреную смесь того, что я действительно считал с сознания Миа, и того, что, при некотором желании, можно было принять за зарождающееся чувство к Рону, я оставался в надежде, что он это проглотил, не подавившись. Так что, через несколько минут диалога, который смело можно было бы назвать "разговором ни о чем", Гермiona покинула логово дракона, то есть, кабинет директора. Откидываюсь на спинку диванчика и некоторое время — ничего не замечаю даже вокруг себя.

/*Прим. автора: про осаду Тизки — см. Грем МакНилл "Тысяча сынов"*/

До сих пор меня спасает разница в восприятии происходящих событий. Если директор до сих пор воспринимает все, происходящее в школе, как некие "бои местного значения", то для меня каждая схватка — решающее сражение, когда "отступить некуда — позади Тизка". Соответственно различаются и затраченные ресурсы, и концентрация внимания.

Следующим был вызван Драко. Тут было легче: не требовалось создавать грамотную и правдоподобную корректировку чувств. К счастью, директор не полез в глубины памяти наследника Малфоев, ограничившись более чем поверхностным просмотром последних воспоминаний, среди которых, с серьезным отрывом, доминировали воспоминания о погоне за снитчем. Так что, оставалось только подкорректировать буквально одно воспоминание: заменить прозвучавший клич, который позволил бы даже не очень сведущему магу идентифицировать меня, на некий нечленораздельный вскрик. Так что, эта схватка далась намного легче.

Дафну директор вообще не счел подходящим источником информации. "Очередная девчонка, сохнувшая по Серебряному принцу Слизерина, сколько их было, сколько еще будет". Так что, следующим на очереди, вполне закономерно, оказался я.

Горгулья отодвигается, услышав пароль "мятная тянучка". Ха! А то я не вижу, что пароль вообще не имеет никакого смысла, и прохождением в свой кабинет, Вы, директор, управляете

лично...

— Здравствуй, Гарри.

— Здравствуйте, профессор.

— Хочешь лимонную дольку?

— Очень! — Ну что поделать, если я их действительно люблю. К тому же, директор, похоже, так привык к тому, что все от них отказываются, что совсем забыл пропитать их веритосериумом. Ням! Вкусно-то как!

— Я рад, что наши вкусы в это совпадают. — А уж я-то как рад! Вкусно ведь. Правда... к следующему посещению стоит озаботиться антидотом к Зелью Истины.

— Я — тоже, профессор Дамблдор.

— Гарри, расскажи, пожалуйста, что случилось на квиддиче.

— Я... я серьезно готовился к первому в моей жизни матчу...

— И?

— В описании финального матча 1473 года были представлены все возможные нарушения правил. И меня заинтересовал один момент...

— Какой же?

— Ловец одной из команд, уж простите — не помню, какой именно, резко развернулся перед трибуной, и преследующий его бладжер завяз в защитном заклинании, которое охраняет зрителей. Поскольку именно в этом матче было отмечено все семьсот возможных нарушений, а данный финт — не помечен как нарушение, я счел его легальным, и возможным к применению. И вот, когда моя метла вышла из подчинения...

— Такое случается, Гарри. Такое — случается. — Угу. Вот только не слышал я ни о чем подобном. Не слышал, и не читал.

— А бладжер оказался слишком близко, чтобы можно было рассчитывать на помощь загонщиков, я рванул к трибуне, чтобы использовать тот же прием.

— Но ты был гораздо ближе к трибуне, на которой находились болельщики Слизерина. Почему же ты полетел к той трибуне, на которой сидели преподаватели?

— Потому, что я воспитан магглами.

— Как это?

— Маги, как я заметил, всегда безоговорочно верят в надежность заклинаний.

— Конечно. А как же иначе?

— А вот магглы всегда должны предполагать, что любая техника может в любой момент подвести. — Угу. Даже самому понравилось, как это прозвучало. Если маггл вспоминает о такой возможности два-три раза в год — это исключительно предусмотрительный маггл. Но,

повторюсь, прозвучало очень хорошо. Даже — здорово.

— И?

— И я подумал, что если заклинание защиты окажется недостаточно надежным — то преподаватели смогут защитить себя, а вот в способностях учеников — я что-то засомневался...

— Что ж, Гарри. В итоге, ты оказался прав. В защитном заклинании оказалась прореха. Так что — позволь поздравить тебя. Ты оказался очень прав.

— Но... профессор Квиррел... — Играть, так играть. Только слезу не надо пускать — будет уже перебор.

— Профессор слишком увлекся матчем, и не сумел защитить себя. Но ученику, наверняка, пришлось бы хуже. — Ух ты... прям добрый дедушка. Даже похож. — Так что, сегодняшняя победа — твоя по праву. Вот только...

— Что, профессор?

— Гермиона — живой человек. Что ты будешь делать, если она предпочтет тебе другого? — Запинаюсь, удерживая паузу. Так, пожалуй хватит. А то получится перебор.

— Ее счастье — главное для меня. — На реально испытываемую ревность накладываю готовность смириться. Вроде — получилось правдоподобно.

— Хорошо, Гарри. Иди.

И я пошел.

<http://tl.rulate.ru/book/69513/1849556>